____Осенью 1966 года (вернёмся на полгода назад) моя мама отправилась в свою ежегодную, третью уже поездку в Египет, в Александрию. Нужно было устраивать Иринку в ясли. Пошли к врачам за справкой, и выяснилось, что наша дочь является носителем каких-то бацилл, так что в ясли её не возьмут. Что делать, куда пристраивать ребёнка?

____Сашенька срочно написала на Алтай просьбу приехать своей бабушке, матери отца - Федосье Алексеевне Ярцевой, бабушке Фене, у которой Сашенька была любимой внучкой, опекавшейся всё детство. Бабушку уговаривать долго не пришлось. Ей и самой очень хотелось увидеть, за кого же внучка замуж вышла, да как живут, да что за квартира и что за город такой Ладушкин, и правнучку посмотреть, понянчить. Убрав картошку с огорода, бабушка отправилась к внучке поездом за четыре с лишним тысячи километров (почти за пять- 4700), везя с собой мёд, сало, кедровые орехи, репчатый лук, солёные грузди, самогонку и прочие дары алтайской земли. Шёл ей тогда шестьдесят седьмой год, она ровесница века - родилась в 1900-м году. С тех пор бабушка Феня ездила к нам каждую зиму 10 лет подряд, пока здоровье позволяло.

Бабушка Феня с Иринкой в Ладушкине, 1967 г.

С бабушкой мы жили как у Христа за пазухой. Дома нас ждали обеды, за Иринку можно было не беспокоиться, бельё нестираное не накапливалось. Бабушка и поучала нас часто, упрекала в расточительности, но без раздражения, ворчания, достаточно тактично. И выпить с ней было одно удовольствие, и рассказать она умела интересно о своём деревенском житье-бытье, о молодости, и о наших друзьях-товарищах мнение своё высказать.

Главная же её житейская мудрость заключалась в отношении ко всяким мелким неприятностям, порой очень огорчавшим нас и казавшимся нам-то отнюдь не мелкими. "Это ли горе", - говаривала она. "Слава Богу, живы, здоровы, молоды, чего ещё надо? Горя-то настоящего вы не видали, и не дай вам Бог! Другие-то вон как живут, а у вас и квартира, и родители помогают, деньжонок, правда, маловато зарабатываете, ну, да и это

придёт, раз Саша учится." И стыдно было перед нею переживать и ссориться по пустякам, хотя мы, конечно, и не удерживались от этого.

В январе 1967 года в Москве проходила конференция по итогам Международного года спокойного солнца. Мы со Славой приехали на неё из Ленинграда, а Сашенька с Леной Васильевой и Аллой Николаевной Суходольской - из Ладушкина. Жили мы в разных гостиницах в районе ВДНХ, в многоместных номерах. Встречались, главным образом, на заседаниях, которые проходили в МГУ на Ленинских горах, даже погулять было невозможно: морозы стояли лихие, за тридцать градусов, а у меня и пальто-то зимнего не было. Кончилась конференция, и мы с Сашенькой опять разъехались, теперь до апреля...

В апреле бабушка Феня уехала к себе домой на Алтай, нужно было сажать огороды, урожай с которых, прежде всего картошка, и кормил в основном её с сестрой - бабой Дусей. Моя мама готовилась к Любиной свадьбе, собиралась в Ленинград.

Я отправился в Ладушкин. Весна была необыкновенно жаркая. 20 апреля мы ходили на Шилинское озеро купаться! Шли полуголые по железной дороге: Лена Васильева, Стасик и Валя Тихомировы с сыном Илюшкой, Юра Шагимуратов, Сашенька и я, температура воздуха была 25 градусов!

Этой первой весной житья нашего в Ладушкине мы завели пару грядок на огороде напротив дома, через шоссе, за памятником, где сажали всякую зелень: редиску, лук, петрушку, укроп, морковь, огурцы и даже помидоры. Почти все сотрудники станции держали ещё огороды под картошку прямо на территории станции, в Ульяновке. Моё житьё наездами и отсутствие у меня надлежащего энтузиазма на первых порах исключили картофелеводство из нашей хозяйственной жизни. Но позже, когда я окончательно перебрался в Ладушкин, закончив аспирантуру, и мы взялись за это дело. Особых успехов, правда, нам достичь не удалось, урожаи были неважные: то жук колорадский всё поест, то посадим поздно, то в отпуск уедем - всё бурьяном зарастёт, то навозу весной не внесём, но всё же по паре мешков собирали. Хранить же картошку было где - подвалы в доме, поделённые на клетушки, были тёплые и сухие.

Не помню, в этот ли раз или раньше мы оказались в одной кампании с Суходольскими (Сашуля утверждает, что это было на ноябрьские праздники предыдущего, т.е. 1966 года, у Лии Силячевской, незадолго перед тем поступившей на работу на станцию радиоинженером и поселившейся в квартире над нами). Обычно по праздникам или дням рождения собирались либо у нас, либо у Тихомировых, причём вначале чаще у Тихомировых, так как у нас не на чем было гостей рассадить. Суходольские нечасто бывали на наших сборищах, придерживаясь своей кампании, весьма, впрочем, разношёрстной, включавшей директора местного зверосовхоза Мирошниченко, раздражавшего меня своим самодовольным видом, живших в нашем доме учительниц Алевтины Михайловны Медведевой и Марты Павловны Ломакиной - женщин лет под тридцать пять, завхоза, шофёров и техников нашей станции.

Чета Суходольских очень удивляла меня несхожестью, если не противоположностью уживавшихся вместе характеров. Алла Николаевна в меру своих сил и, во всяком случае, с энтузиазмом отдавалась науке. Гаич (так за глаза звал его Стасик Тихомиров) занятия наукой за дело не считал и не скрывал даже этого своего пренебрежительного отношения к ней. Занимаясь в основном хозяйственными вопросами, он, тем не менее, особого хозяйственного порядка на станции не добился. Сам гонял на уазике, как на собственной машине, и заездил его напрочь, совершенно не заботясь о его состоянии и не требуя этого от шофёров станции - Кости Старостина и Петра Дмитриева, солидных уже мужиков, за пятьдесят лет каждому. Костя, правда, был по натуре хозяйственным человеком и свою машину - зиловский фургон - содержал в порядке. Пётр же был разгильдяй подстать Суходольскому: тяп-ляп, едет и ладно. Завхоз - Анатолий Герасимович Миклушов любил

поболтать за жизнь, пофилософствовать, но был слабо компетентен в своём прямом деле, не умел ничего достать из того, что нужно. А ведь это всё были кадры, набранные Суходольским и ладившие с ним.

Пить Суходольский мог в любое время и помногу. Любил рыбалку, но не с удочкой, а с бреднем или сетями. На работе разговаривал с людьми властным и часто грубым тоном, не терпел прекословий. Алла Николаевна порой на людях одёргивала его: "Не самодурствуй, Суходольский!" От неё Суходольский такие замечания сносил.

Алла Николаевна если и не была по-настоящему интеллигентной женщиной, то, во всяком случае, хотела ей быть и стремилась к этому. Она читала художественную литературу и с удовольствием участвовала в разговорах на книжные и кинофильмные темы, высказывая иногда небанальные суждения. В отношениях с людьми она держалась ровно и приветливо, не лишена была чувства юмора, охотно участвовала в спортивных развлечениях: волейбол, настольный теннис, до чего Суходольский не снисходил, хотя и был молодым ещё, крепкого телосложения мужиком. Суходольский, говорили, и насчёт баб был не дурак, Алла же Николаевна, тем не менее, всё ему прощала и, видимо, любила. Во всяком случае, после его гибели она резко сдала, постарела, подурнела и ни с каким другим мужчиной больше счастья не нашла, хотя и говорили о её последующем кратковременном замужестве за братом Суходольского, но вроде бы это было ради московской прописки и жилья, не знаю точно.

А в тот день, когда я единственный раз был в одной кампании с ними обоими, мы курили с Суходольским на балконе, выходившем на двор (значит, это было не у Силячевской: её балкон выходит на шоссе, а скорее у Тихомировых или у самих Суходольских), и он, с гордостью взирая на этот двор с гаражом, говорил мне: "Вот, всё это - моими руками, от нуля...", имея в виду, наверное, и этот дом, и гараж, и станцию, и свою трёхкомнатную квартиру, которая в отличие от всех других выходила на обе стороны дома. Все остальные квартиры в доме выходили окнами либо во двор, либо на шоссе, и все комнаты были смежные. Суходольский же из двухкомнатной квартиры, выходившей во двор, прорубил дверь в соседнюю трёхкомнатную квартиру, выходившую на шоссе, и одну комнату из этой квартиры присоединил к своей. "Хорошо здесь, сам себе хозяин. Хватит мотаться по белу свету, здесь и осесть надо, тем более столько уже вложил сюда. А вот в ИЗМИРАНе меня не ценят..." - пьяно бормотал он, облокотившись на перила балкона.

9-го мая я уезжал в Ленинград. Погода продолжала держаться отличной. Залив был гладким и синим. 8-го Суходольский с двумя напарниками: председателем ладушкинского горисполкома и жильцом нашего дома ладушкинским милиционером Хурдайло, отправились на катере к рыбакам на Бальгу - за рыбой да и просто прокатиться. Этот катер (точнее, металлическая лодка с подвесным мотором) был приобретён Суходольским на измирановские деньги и числился собственностью станции, хранился он в самодельном деревянном эллинге, построенном на берегу залива прямо под станцией. Имелись даже и водные лыжи, ни разу, правда, не опробованные.

9-го, когда я уезжал, Суходольский ещё не вернулся, но особых беспокойств это тогда не вызывало: думали, что запил с рыбаками. Уже в Ленинграде из писем Сашеньки я узнал, что Суходольский и его компаньоны так и не вернулись. Несколько дней подряд сотрудники станции, милиции, рыбинспекции обшаривали заросшие камышом берега залива. Нашли фуражку милиционера и больше ничего, а через две недели трупы всех троих по очереди с интервалом в сутки прибило к берегу в окрестностях Ладушкина. Лодку так и не нашли, видимо, затонула. На Суходольском не было сапог и верхней одежды, наверное, пытался плыть. Были какие-то ссадины на голове. Остальные двое, похоже, утонули сразу.

Что произошло - так и осталось тайной. Возможно, были под градусом, лихо мчались - Суходольский любил лихую езду что на машине, что на катере, резко повернули по какой-либо причине, неожиданно увидев сети, например, и опрокинулись. Но это только

версия.

Начальником станции стала жена Суходольского - Алла Николаевна, после такого несчастья сумевшая всё же взять все дела в свои руки.

(*продолжение следует*)